

* * *

— Но как я пойму?

Молодой ученик смотрит своими голубыми глазами на наставника. Парень растерян. Он слышит зов. Чувствует. Но ему не хватает знаний. Без теории сложно переходить к практике. Вдобавок ему страшно. Не хватает решимости заглянуть в глубь прошлого.

— Скажите хотя бы, что я должен увидеть? На что обращать внимание? Чего ждать? Мне стоит опасаться или...

— Просто смотри! — перебивает грубый голос старика. — Не я, огонь ответит на все вопросы.

— Дайте подсказку.

— Я не знаю, чем тебе помочь.

Старик, естественно, врет. Он прекрасно знает, что и как должен увидеть его ученик. Старик знает все о мире духов, зовет предков. Он сотни раз находил пропавших людей и лечил смертельные болезни, общаясь с духами у костра. Он слышит зов. Ни один человек на планете не сравнится с наставником в поисковом деле. Любой, даже самый опытный следователь позавидует способностям старика.

— Но ведь вы...

— Молчи! Духи выбрали тебя. Значит, ты сможешь. Только огонь. Никто другой не научит, как стать великим Предвестником. Ни на кого не рассчитывай. Ты должен сам.

Наставник сминает в ладони и бросает щепотку листьев в костер. Он показывает ученику на бубен, склоняет голову и отходит в сторону.

— Почувствуй, — шепчет старик. — Ты сумеешь. Ты справишься, будущий Табилгатай зарин.

Руки поднимают шаманский бубен.

Тук-тук.

Ноги несут тело ученика вокруг костра в хаотичном танце.

Тук-тук.

Шея запрокидывает голову к облакам. Веки закрывают голубые глаза.

Снег тает, превращается в мокрую грязь. Вовлекает за собой ученика в глубокий транс, в запретную бездну подсознания.

Тук-тук.

* * *

— Ох, сейчас кто-то обрадуется. Как считаешь?

Девушка торопится.

Она практически бежит и на ходу в голос разговаривает.

Со стороны может показаться, что говорит она по телефону — при помощи одного из тех устройств, которые вставляют в ухо и потом с очумелым выражением на лице сообщают фонарному столбу или случайному прохожему, что хлеб куплен, что из-за дурацких пробок встреча переносится, что подруга оказалась тварью двуличной, или вовсе признаются в страстной любви грязной витрине магазина «Все по пятьдесят» с покосившимся одноногим манекеном в гавайской рубашке.

Но девушка не говорит по телефону.

Она не пользуется этим плодом цивилизации.

Девушка считает, что это его вредное излучение вызывает у людей рак. А уж она-то не понаслышке знает об этой проклятой болезни и не собирается умирать, как ее бедная мать, прикованной к больничной койке и мучаясь болями после очередной химиотерапии.

— Папаша твой тот еще придурок, знаю. Но он все же должен будет обрадоваться.

Закрадываются сомнения, но девушка тут же отгоняет страх и продолжает разговаривать со своим животом, в котором, к слову, еще только-только зарождается жизнь. Об этом радостном факте свидетельствуют целых две полоски на дешевом тесте на беременность, который девушка, краснея и бледнея, купила утром в ближайшей аптеке и несет теперь в кармане, чтобы гордо продемонстрировать сей бесценный трофей своему будущему, без сомнений, супругу.

— Он тебе понравится. Он веселый. И добрый. И... Он же не может тебе не понравиться? Ты же его сын... доченька. Нет! Я знаю точно, ты сынок. Сыночек. Это же сразу понятно. Я чувствую.

Ее ноги словно парят над асфальтом. Переносят стройное тело девушки в другой мир, подальше от хмурых лиц, от шумных улиц.

— У твоего папы скоро день рождения. Вот же отличный подарок мы с тобой приготовили! Согласен?

С головой погрузившись в увлекательную беседу со своим желанным ребенком, девушка не замечает, как выходит на середину оживленного перекрестка. Она улетает в свои фантазии, и лишь свист тормозов и протяжный вой автомобильного гудка выдергивают ее в реальность.

Машина останавливается в полуметре от испуганной девушки, и из окна высовывается голова рассерженного мужчины.

— Куда лезешь, дура? Цвета различаешь? Совсем ошалели наркоманы малолетние! — кричит водитель через опущенное стекло. — Себя не жалко, так хоть о других подумай!

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

— Курица безмозглая! — подключается писклявый голос женщины с пассажирского сиденья.

Девушка разворачивается и со всех ног бежит к тротуару, чуть было не угодив под колеса проезжающей по соседнему ряду малолитражки.

Очередной визг колес и рассерженный гудок сопровождают ее сверкающие пятки долой.

Она садится на углу дома прямо возле мусорного бака, обнимает колени и плачет.

Слезы льются по щекам.

Она не плакала почти два года. С тех самых пор, как они с отцом похоронили ее маму. Не плакала она, даже когда на катке поскользнулась и сильно вывихнула ногу, после чего неделю провела с тугой повязкой. Не плакала, когда выяснилось, что у ее отца и младшего братика та же проклятая болезнь, что забрала ее маму. Тогда девушка не проронила ни слезинки.

— Нарушаем, гражданочка? — слышится строгий голос.

Инспектор.

Естественно.

И он, естественно, все видел.

Слезы мгновенно высыхают. Грусть сменяется злостью и досадой.

Ну как так? Почему, когда он нужен, не дозовешься? Зато в самый неподходящий момент полицейский тут как тут.

Их где-то такому учат? Есть какие-то специальные курсы у них там, в чертовой школе полицейских? Курсы для тех, кто хочет появляться в не лучшее для людей время и усугублять и без того дурацкое положение?

— Что молчим? Документики, пожалуйста.

— У меня нет.

— Здрасьте, приехали. Тогда придется пройти со мной в отделение для выяснения...

— Не надо, пожалуйста. — Девушка хотела бы сейчас заплакать, но, похоже, слезы закончились. — Я больше так не буду. Больше. Обещаю.

Полицейский кривит снисходительную улыбку и двигает пальцем из стороны в сторону.

— Что мы тут? Детский сад устраивать будем? Нарушать, значит, это мы запросто, а как отвечать за проступки, это мы больше так не будем, обещаем. Так?

— Сколько?

Зря, кстати, она это сказала. Кажется, этот вопрос лишь сильнее разозлил полицейского.

Девушка всего лишь хотела уточнить размер штрафа, ведь за подобное нарушение, в ее понимании, полагается штраф, никак не арест. Но полицейский, похоже, расценил ее грубый тон как намерение предложить ему взятку.

— Ну, милочка, теперь точно не разойдемся. Я собирался отпустить тебя с устным замечанием, но теперь поедем выяснять... Да-да. Не всхлипывай. А как иначе? Вдруг ты рецидивистка и в розыске. Личность установить возможности не имею.

— Вика, — торопливо произносит девушка и смотрит в глаза инспектору. — Крамова Виктория Александровна.

— Очень приятно, Виктория Александровна Крамова. А сколько вам лет и где проживаете, случайно не припомните?

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

— Семнацц... вернее, мне уже восемнадцать лет.

Полицейский меняется в лице. Он удивлен.

Вика выглядит гораздо старше своего возраста.

Инспектор ожидал услышать, что ей двадцать пять, ну, может, двадцать три. Никак не семнадцать, вернее, уже восемнадцать лет.

— Давайте позвоним папе? — Ей бы очень не хотелось беспокоить отца, но сейчас у нее не остается выбора. — Он вам все объяснит. Он сразу придет и поможет.

— Ладно, девочка, — неожиданно меняет интонацию полицейский. — Смотри аккуратно в следующий раз. Переходи только в положенном месте и только на предусмотренный сигнал светофора. Договорились?

Вика растерянно кивает.

— Всего доброго, — бросает напоследок полицейский и уходит.

Девушка возвращается и садится на свое место возле бака.

Вика размышляет о том, что теперь ей нельзя быть такой беспечной. Теперь она отвечает не только за братика и папу. Теперь она будущая мать, и ей нужно научиться заботиться о своем ребенке.

— Все хорошо, малыш. Мы в безопасности, — говорит Вика и гладит свой живот. — Не беспокойся, я не дам тебя в обиду.

Девушка поднимается и уверенным шагом идет дальше.

От ее прежнего приподнятого настроения не осталось ни следа, но она переключится.

Она знает, что как только увидит отца своего будущего сыночка, радость не получится сдержать. Он,

конечно, специфический человек. Порой грубый. Вспыльчивый. И он не собирался заводить детей, впрочем, как и Вика, но он порядочный и не предложит, даже не подумает предложить избавиться от драгоценного ребенка.

В этом Вика практически не сомневалась.

Девушка заходит в подъезд.

Изрисованные стены, мокрые, дурно пахнущие углы, облезшие шатающиеся поручни. Ничто не испортит Вике настроение. Девушка поднимается по лестнице.

Второй этаж.

Девушка машинально проверяет пустой почтовый ящик. На нем кто-то синим маркером признался в любви неизвестной Кристине и нарисовал вокруг надписи сердечко.

Вику каждый раз умиляет эта надпись. Чьи-то влюбленные пальцы старательно выводили на металлической дверце трогательные слова. От сердца. От души. Пусть и с ошибкой в имени.

Надпись гласит: «Ты моя любимая Кристина».

Третий.

Вика шагает по ступенькам и отмечает, что на более позднем сроке ей будет сложно добираться на пятый этаж в доме без лифта.

Четвертый этаж.

Пятый.

Ключи от квартиры у Вики есть, но ей не хотелось бы самой отпирать. Она представляет, как ее любимый проворачивает замок, открывает дверь. Он стоит в проеме и смотрит на нее. А она с порога набрасыва-

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

ется ему на плечи, целует и шепчет на ушко секретную радостную новость.

А еще Вика просто боится его реакции.

Она знает, какими жестокими иногда бывают мужчины.

У нее очень строгий отец, и он наверняка прогонит ее из дома, когда обо всем узнает, но любимый еще вспыльчивее. Она подозревает, что реакция может быть самой разной. Он может начать психовать и кричать.

А может, обрадуется.

— Я беременна, — шепчут ее губы, как бы репетируя.

Рука тянется к звонку.

Вика чувствует, как трясутся у нее колени. Она несколько раз глубоко вдыхает и выдыхает. Снова репетирует фразу, которую вот-вот прошепчет любимому.

Она хочет, она обязана звучать убедительно и уверенно, чтобы он сразу понял, что независимо от его желания она сохранит ребенка. И чтобы он, не дай бог, не предложил ей аборт.

Дин-дон.

Сердце Вики начинает биться чаще.

Она переминается с ноги на ногу. Девушка с трудом перебарывает свое навязчивое желание спрятаться от пугающего разговора, развернуться и удрать.

Динь-дон, динь-дон.

Пальцы сами продолжают жать на звонок.

Динь-дон.

Никто не открывает.

Ну как так? Волна негодования вновь накатывает. Неужели этот придурок совсем не чувствует момент?

— Вот куда его понесло в такую рань?

Динь-дон.

Вика прислоняется ухом к двери.

Тишина.

Никого.

Наверное, он собрался стать полицейским и сейчас сидит на тех самых спецкурсах, которые посещают инспекторы, желающие перестать чувствовать ситуацию и разбираться в моменте.

Уйти?

Подкараулить на улице, дождаться его возвращения и потом вновь подняться, чтобы все произошло как запланировано?

Глупость!

Вика не была глупой. Наивной, да. Но не дурочкой.

Она вставляет ключ.

— Ничего, мой хороший, значит, подождем твоего папашу дома. Это, кстати, теперь и твой дом тоже.

Она не раздеваясь проходит на кухню.

— Сейчас будем пить чай.

Вика отдергивает занавеску.

— Ты какой любишь?

Она говорит, продолжает гладить живот и привычным движением достает из шкафчика упаковку чая.

— Я вот обожаю ягодный. Но только без сахара. Не против, если мы с тобой выпьем ягодный?

Вика набирает чайник и ставит на плиту.

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Она снимает сапоги, к слову, мамины. У них с отцом хватает денег на новую обувь, но Вика предпочитает носить именно мамины.

Вика ставит сапоги под стол и смотрит на пепельницу.

— Все, мой хороший, мамочка больше не курит. И думаю, — она подмигивает сама себе и улыбается, — у меня получится уговорить твоего папу тоже бросить эту гадость.

Вика замечает, что один из окурков в переполненной пепельнице все еще тлеет.

Недокуренный синий «Винстон».

— Влад? — Она пробегает взглядом по потолку от угла до угла. — Владик! Ты дома?

Нехорошие мысли закрадываются в ее голову.

Он, наверное, не один.

Он.

Наверняка не один.

Вика сегодня ночевала у себя. Значит, он, предатель, привел сюда какую-то девицу.

— Поэтому не открывал мне дверь?

Вика мгновенно перемещается в спальню.

Она, естественно, не успевает оценить всю абсурдность своего дурацкого предположения. Нелепость. Ведь у нее же есть ключи, она же беспрепятственно может зайти в любое время. И он миллион раз клялся, говорил, что любит только ее.

Пусто.

В спальне никого.

Девушка возвращается на кухню, по пути смеясь над своей детской подозрительностью и недалекостью.

— Это все моя мнительность, сынок. Не обращай внимания, малыш. Мама у тебя не сумасшедшая.

Ее взгляд скользит через открытую дверь в соседнюю комнату.

Лицо Вики бледнеет.

Еще мгновение, и она потеряет сознание.

Ее рот что-то произносит, но слова не получаются. Звуки словно залетают снаружи внутрь.

— К-к... как?

Вика хватается за живот.

Ее сейчас стошнит. Голова вот-вот взорвется изнутри. Мурашки бегут по коже. Она мотает головой. Рот без звука произносит, умоляет: «Нет-нет, пожалуйста, нет, только не это».

Девушка скользит спиной по стене. Ужас застывает на ее лице. Она садится, ее ноги отказываются стоять.

Вика второй раз за день рыдает.

Сквозь слезы, в мутной картинке ее глаза различают пугающий силуэт. Что-то подвешено на потолке.

Оно висит прямо напротив окна. Висит в солнечных лучах. Оно слегка раскачивается.

Веревка еле слышно, тоненько поскрипывает под тяжестью груза.

Это.

Что-то большое.

Это человек.

— Влад... Зачем? — шепчут ее губы.

Вика надрывно мычит.

Зубы сами сжимаются и больно давят друг на друга. Вот-вот верхний ряд раскрошит нижний.

Веревка поскрипывает.

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Девушка падает на колени и закрывает руками голову. Ладони с силой упираются в виски. Пальцы впираются в волосы, и крик отчаяния вырывается у нее из груди.

Жизнь несправедлива.

Подвешенный за шею, ее любимый, отец ее будущего ребенка болтается посреди комнаты.

— Владик!

Вика зовет на помощь, но ее голос растворяется в пустоте.

Все звуки испаряются.

Она словно наблюдает за происходящим через двойное звуконепроходимое окно. Словно она погрузилась под воду. Словно это все вообще не с ней. Это просто второсортное кино. Дурацкий фильм, в котором вдобавок забыли прикрепить звуковую дорожку.

Девушка слышит лишь ритмичные пульсации в ушах.

Тук-тук. Тук-тук.

Все краски постепенно исчезают. Все звуки растворяются.

Тук-тук. Тук-тук.

Лишь ритмичные постукивания.

Она больше не слышит свой крик. Она не слышит и свист чайника, который задорно оповещает, что вода закипела, который приглашает гостей на кухню пить ягодный напиток.

Свист вырывающегося потока пара смешивается со звоном в ушах и растворяется в глухой пустоте.

Тук-тук.

Вика закрывает глаза.

* * *

Ритмичные глухие удары прекращаются. Звук бубна в последний раз отдается эхом и смолкает.

Молодой шаман садится.

— Не получается. Образы слишком размыты. Я не могу.

Обрывает себя на полуслове. Он открыл глаза и увидел, что вокруг костра собрались, помимо него самого и учителя, еще с десятков незнакомых шаманов. Они все следят за его движениями. Ждут.

— Что происходит? — спрашивает парень шепотом у своего учителя. — Кто все эти люди?

Вместо ответа старик сминает между ладоней очередную охапку листьев, бросает их в костер и делает многозначительный жест, мол, хорош болтать, продолжай.

* * *

Вика заходит в комнату.

Ноги подкашиваются при каждом шаге. Девушке трудно стоять. Ей трудно дышать. Она не может определить, то ли это у нее в ушах звенит, то ли это свист чайника на кухне.

Девушка решительно подходит к покойнику. Она пытается его снять, кряхтит, но у нее недостаточно сил, чтобы отвязать тело Влада.

Вика плюхается на стул.

На столе записка.

Вика не рассматривает бумажку, она и без того уже знает, что в ней может быть написано.

«Прошу никого не винить». «Простите». «Всех люблю, но больше так не могу...»

И прочее нытье.

Обида и злость бурлят внутри девушки.

Прощальное послание слабака. Предсмертная записка. Последние слова неудачника.

Вика комкает листок.

Она не собирается читать нелепые объяснения труса, решившего удрать и все бросить. Решившего бросить ее. Решившего бросить своего ребенка.

Она идет на кухню и выключает чайник.

Как ни в чем не бывало опускает пакетик в чашку и заливает его кипятком.

Что бы там он ни написал, какие бы причины ни заставили его покончить с собой, все они ущербны и неубедительны.

Только слабак, только жалкий человечиска способен на такой поступок.

Вика выпускает чашку из рук, напиток разливается по полу, больно обжигает ей ноги. Осколки фарфора разлетаются во все стороны, но ее не заботят все эти мелочи.

Она торопится в комнату.

Поднимает с пола скомканную записку.

На краю листа видна часть надписи:

«Вик, прости. Знаю, это нелегко принять. Но другого выхода...»

Она разворачивает послание.

«Вик, прости. Знаю, что это нелегко принять, — читает она вслух. — Другого выхода у меня нет».

Вика поднимает глаза и смотрит на посиневшее, но все еще красивое лицо своего любимого.

«Теперь я знаю правду о себе. О своих родителях. И... Еще раз, прости. Тебе трудно понять, Вик, но я знаю, так будет лучше для всех».

Вика произносит написанные слова, и голос Влада начинает звучать у нее в ушах. Она слышит в его голосе боль и отчаяние.

«Я всегда чувствовал то, о чем там написано. Вик, я это видел в своих снах. Это не выдумки».

Вика читает и не может понять, о чем речь.

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Влад никогда не жаловался, что его что-то беспокоит или что его мучают какие-то кошмары.

Он вообще никогда ей не жаловался.

«Вика.

Вик, я слишком сильно тебя люблю, чтобы подвергать такому риску».

Да о каком риске он пишет?

Ему кто-то угрожал? Возможно, дружки втянули его в какую-то глупую авантюру?

Нет.

«У Влада кроме меня никого нет. Я его единственный друг, его самый близкий человек. И он бы не связался в сомнительное предприятие, не посоветовавшись со мной».

«Я должен остановить это сумасшествие, — продолжает девушка читать письмо вслух. — Прости, Вик. Я должен».

Здесь его почерк меняется.

Похоже, ему было нелегко писать следующие строки. Он несколько раз обводил слово «должен», и теперь оно выделяется синей кляксой посреди письма.

«Оттягивать нет смысла.

Рано или поздно мы с тобой задумаемся о семье, о детях.

И тогда...

Прости.

Я не уверен, что моей решимости хватит надолго. Лучше, как пластырь, оторвать одним движением».

Вика вертит в руках, рассматривает пустой пузырек снотворного.

Наверное, Влад принял лекарство, прежде чем...

«Слишком много смертей, — продолжает читать девушка. — Хватит! Люди не должны страдать по моей вине».

Да о чем он говорит?

Вика больше не злится на Влада. Теперь она не может себе простить, что не догадалась позвонить ночью.

Хотя как она могла догадаться?

Ничто такого не предвещало.

Вика еще раз перечитывает предложение и смотрит на Влада. И о какой своей вине он пишет? Да даже если в чем-то в самом деле виноват. Почему было спокойно не поговорить.

«Обсудили бы...»

Вика не замечает, как у нее в руке заканчивается одна и появляется вторая сигарета.

Она делает затяжку.

Голова продолжает кружиться.

Девушка со вчерашнего вечера решила бросить, и с тех пор ей не хотелось, она даже не смотрела в сторону табака. И вот опять курит. Она нарушает все обещания и клятвы, что дала себе и своему будущему ребенку.

«Вик, я обещал тебе...»

С сигаретой становится легче.

Она чувствует, как расслабление пробегает от ног к макушке, чувствует, как мышцы становятся ватными.

«Вик, я обещал тебе, что сегодня пойдем на выставку. Знаю, как ты мечтала туда попасть. Прости, я знаю, что обещал, но, к сожалению, не смогу с тобой пойти.

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Билеты я купил, сходи с братом...»

— Да пошел ты! — Вика вновь срывается на крик. — Влад... — Она опять начинает плакать. — Ну зачем?

«Вик, я должен тебе все объяснить.

И ты, я думаю, меня поймешь.

Все написано в той стопке бумаг, что лежат возле телевизора. В этом письме мне не уместить всех подробностей. Если интересно, возьми с собой документы...»

Вика подходит к телевизору.

В самом деле, на полке сложена стопка.

Какие-то старые пожелтевшие страницы. Какие-то древние выцветшие черно-белые фотографии. Часть бумаг хаотично разбросана, другие скреплены и подшиты печатью с сургучом. Какие-то картонные папки с веревочкой вместо крепления, подписанные и пронумерованные от руки, как в старых фильмах про следователей.

Они завернуты в большой желтый конверт. Судя по надписи, посылка доставлена вчера.

На конверте печатными буквами написано: «Доставить и вскрыть до наступления двадцатилетия адресата». Отправитель не указан, и снизу маленькая приписка: «Прости, сын».

Девушка берет в охапку листы и возвращается за стол.

«Ты все поймешь, Вик, — продолжает она читать. — Я знаю».

Третью ее сигарету сменяет четвертая, следом на очереди нервно прикуривается пятая. Девушка сидит с двумя зажженными сигаретами одновременно и смотрит на мертвеца. Переполненная пепельница не вме-

щает окурки, и сморщенные ржавые фильтры рассыпаются по столу.

«Вик, спрячь это письмо. Не хочу, чтобы кто-то еще его прочитал.

Прости, что поставил тебя в такое положение.

Я помогу тебе выпутаться.

Ты сейчас растеряна, поэтому я все продумал заранее. Нужно действовать следующим образом.

Первое: забери конверт с документами и вынеси его из квартиры. Спрячь в надежном месте.

Второе: вызови полицейских.

В моем правом кармане ты найдешь немного денег, возьми.

Не спорь!

Мне уже ни к чему, а тебе пригодятся. Там же ты найдешь билеты на выставку и записку для полиции. Письмо для них разверни и оставь на столе.

Третье: когда прочтешь документы, сожги их. Уничтожь. Мое письмо тоже.

И, Вик.

Я тебя люблю. Всегда любил».

Веревка поскрипывает.

Тело Влада раскачивается, когда девушка просовывает руку в правый карман его брюк. Она нащупывает там билеты, завернутые в них деньги и аккуратно сложенный листок.

Записка.

Выведенная спокойным, ровным почерком.

Похоже, Влад старался, чтобы, не дай бог, никто не засомневался, что он умер по собственной воле.

Послание начинается с крупной надписи:

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

«В моей смерти прошу не винить никого из моего окружения!»

Ниже он писал слегка дерганным почерком, явно имитировал, что раздражен и рассержен.

«Я слишком устал!

Не хочу жить в этом мире, где столько несправедливости и такие высокие цены на бензин! Будьте вы все прокляты, упыри-бюрократы!

Теперь я свободен!

Вот вам! Выкусите!»

Ниже Влад пририсовал мужской половой орган и крупными стрелками со всех сторон обозначил направление к нему.

Вика оставляет листок на столе. Берет в охапку конверт и выходит на улицу.

Девушка идет и думает о том, что для полиции Влад написал какую-то полную хрень.

И кто в такую несуразицу поверит?

Хотя...

Что там в голове у самоубийцы?

К тому же для нее Влад написал еще более запутанную полную хреновую хрень.

Девушка прижимает к груди документы и смотрит по сторонам. Спрятать в надежном месте.

— И где оно, это твое надежное место? — говорит она вслух и переходит улицу на зеленый.

Вика заходит в магазин.

Старается не привлекать к себе лишнего внимания, кладет посылку в шкафчик для хранения сумок. Запирает ячейку на замок, прячет ключ в карман и прохаживается вдоль прилавков.

На автомате руки тянутся к упаковке детского питания. Она читает этикетку, но ее мысли сейчас где-то далеко.

«От ноля до трех месяцев. Выгодная акция один плюс один», — говорит она себе под нос.

Вика смотрит на ценник, дату изготовления и срок годности. Она читает состав продукта, какие в нем содержатся витамины, но мозг не воспринимает пустую информацию.

Девушка возвращает коробку на полку.

«Сейчас я вернусь в квартиру и позвоню в полицию. Сообщу о происшествии и дождусь их приезда».

Вика покупает на кассе упаковку мятных леденцов и шоколадку. Она не собирается их есть. Просто так покупает. Лежали бы возле кассы отвертки или колышки для походной палатки, купила бы их.

Девушка идет по проспекту. Бледная. Смотрит себе под ноги. Возвращается в квартиру. По пути она на всякий случай крепит ключ от ячейки к основному брелочку с ключами от дома. Надежнее места для тайника, чем ячейка в магазине, она не смогла придумать.

Вика заходит в подъезд.

Поднимается мимо изрисованного почтового ящика. Теперь послание в сердечке от безграмотного любовника вызывает у нее раздражение.

Стараясь выплеснуть эмоции, девушка как может быстро поднимается по лестнице. Она бежит, громко топает, хватается за поручень двумя руками, рывком перепрыгивает через несколько ступенек.

Вика со злостью захлопывает дверь и закрывает замок.

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Девушка запыхалась. Она тяжело дышит. Она снимает обувь и проходит в комнату.

Дальше все происходит как во сне.

Ее пальцы сами жмут на кнопки старенького мобильного Влада, набирают короткий номер. Ее губы сами дрожащим голосом сообщают оператору, что ее любимый покончил с собой. Ее уши слушают в трубке вежливый ответ девушки о том, что полиция уже выехала, что теперь нужно оставаться на месте и дожидаться их прибытия.

Мозг упорно отказывается верить в происходящее.

— У нас будет ребенок, — сообщает Вика и кладет телефон на стол.

Она снова плачет.

Слезы не текут, слезы закончились, но девушка продолжает плакать.

— У нас будет ребенок! Сын! Твой сын!

Вика колотит кулаками Влада по спине. Она не хочет, руки сами бьют любимого.

— Ты слышишь меня?

Влад, конечно же, ничего не слышит.

Вика обнимает его остывшее тело.

Она рыдает ему в рубашку, которая все еще пахнет таким знакомым и таким родным его особенным запахом.

* * *

— Пожалуй. Если сможешь, тогда встретить его, а я потом.

— Пап, конечно. Езжай, — не дает договорить Вика. — И встречу, и накормлю, и уроки проверю. Не волнуйся, мы уже не маленькие дети.

После смерти матери отец стал... как тут получше выразиться... слишком заботливым.

Достал своей гиперопекой.

Вике уже восемнадцать, она закончила школу, она взрослая, она уже не ребенок. У нее у самой будет ребенок, о чем, кстати, до сих пор никому, кроме своего Влада, не рассказала.

— Я позвоню через пару часов.

— Да-да. Знаю. Позвонишь, убедишься, что у нас все хорошо. Топай уже, опоздаешь. Кошелек свой не забыл?

— Моя дочка.

Отец улыбается, показывает кошелек, обнимает дочь, набрасывает куртку и выходит из дома.

Вика смотрит в окно, наблюдает, как он проходит через двор, попутно гладит подбежавшего к нему и виляющего хвостом Шампа.

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Отец оборачивается и напоследок еще раз машет дочке, притаившейся за занавеской.

— Ох, да иди уже, — брюзжит Вика и отходит от окна.

Она слышит, как захлопывается металлическая калитка.

Девушка переодевается.

У нее есть пара свободных часов. Нужно успеть сходить в магазин, купить хлеб, того-сего и приготовить обед.

Скоро брат вернется из школы.

Вика собирается, прячет свои непослушные кудряшки под шапкой.

Девушка берет с тумбочки сумку. Тканевая, с расстеганными ручками. Она ее сама сшила из старой рубашки.

Вика считает, что пользоваться полиэтиленом — преступление, и поэтому никогда не покупает на кассе пакет, даже если у нее нет под рукой своей самодельной сумки.

Вика выходит во двор.

Сегодня она не запирает за собой дверь. Девушка решила, что пойдет в магазин, который расположен совсем рядом с домом.

— Скоро вернусь, — говорит она псу и выходит за калитку.

Шамп виляет хвостиком, провожает, прыгает на забор, но не лает. Молодой, не породистый, но вполне воспитанный пес.

Вика идет в соседнее здание с вывеской «Все для дома».

В одной из ячеек для сумок этого проклятого магазина девушка спрятала желтый почтовый пакет.

Она целый месяц не появлялась там.

Ей было страшно.

Ей не хотелось вновь погружаться в кошмарные воспоминания. Девушка обходила магазин стороной и носила продукты из соседнего, который расположен значительно дальше. Приходилось бежать бегом, чтобы папа, не дай бог, не догадался, что закупается его дочь где-то в другом месте.

Как бы она объяснила такой странный поступок?

Нелогично.

Поэтому и приходилось бежать через два квартала с тяжелой ношей в руках, чтобы по времени выглядело, что Вика просто задержалась из-за длинных очередей.

Прошло достаточно времени. Она, конечно же, еще не смирилась со смертью Влада, но боль от утраты поутихла.

Пора.

Сегодня она уверена. Она точно зайдет в магазин «Все для дома».

Вика готова.

Готова узнать причину, по которой ее Влад покончил с собой.

С тех пор как она спрятала в ячейке этого магазина документы, она даже не смотрела в сторону яркой светящейся вывески. И вот она стоит на пороге, смотрит на график работы, и ее рука тянется к дверной ручке.

Вика проходит мимо ячеек для хранения сумок.

Украдкой смотрит на ящик с номером тридцать шесть.

Кажется, заперт.

Вроде бы никто не открывал ее тайный сейф.

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Вика проходит в продуктовый отдел. Берет хлеб, несколько булочек, куриное филе и небольшой кусочек сыра. Достаточно брату на обед. Приготовит суп и тосты с сыром. Она планировала много что еще купить, но мысли теперь заняты ее тайником.

Нужно как-то незаметно забрать содержимое ящика.

Вика подходит к кассе.

Еще мгновение, и она столкнется с пугающими воспоминаниями. Еще минута, и она поспешит домой разбираться с причинами смерти ее Влада.

— Девушка.

Вика смотрит на кассира.

— Девушка, вы меня слышите?

— А? Что?

Вика задумалась и пропустила мимо ушей вопрос.

— Я говорю, дисконтная карта у вас есть?

Вика мотает головой и протягивает деньги. Она расплачивается, складывает покупки в сумку и осторожно посматривает на свой сейф.

Наверняка охранник что-то подозревает.

Он как-то не так смотрит на Вику. Как-то строго. Его брови сведены. Он стоит возле выхода, скрестив руки над бейджиком со своим именем, и энергично жует жвачку.

Следит.

Или это фантазии?

Паранойя?

Вика суетливо убирает сдачу в карман.

Охранник, кажется, все еще смотрит на нее. Он переминается с ноги на ногу, раскачивается. Лениво зеваает, достает телефон и начинает увлеченно что-то читать с экрана.

Вика отходит от кассы.

Девушка старается держаться естественно и спокойно, хотя вряд ли у нее это хорошо получается.

Главное, не паниковать.

Сейчас она медленно подойдет, откроет дверцу и заберет документы.

Что здесь такого? Ничего криминального. Простой покупатель совершил покупки и идет забрать свои вещи.

Девушка приближается к тайному сейфу. Она повторяет про себя, что она обычный покупатель. Обычный неприметный покупатель. Обыкновенный, коих миллион.

Вика останавливается возле ячейки.

Она не смотрит по сторонам. Взгляд ее останавливается на цифре тридцать шесть, а руки нащупывают в кармане связку ключей. Вот зачем она убрала сдачу в этот чертов карман? Вика ругает себя. Представляет, как она достает ключ, монеты рассыпаются по полу, и все посетители магазина, включая охранника, смотрят на нее.

Вставляет ключик в замок. Рука трясется. Не получается с первого раза попасть в замочную скважину.

Хорошо хоть никакие монеты не высыпались.

Проворачивает.

— О! Смотрите! Нашелся хозяин! — слышится грубый голос охранника за спиной.

Вика замирает. В висках пульсирует. Девушка чувствует, как напрягаются все ее мышцы.

— А ты говорила, бомба. Бомба, надо ментов звать, — обращается он к кассирше и громко смеется.

Вика не оборачивается.

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Она придумывает объяснение. Наспех сочиняет, что бы такого убедительного сказать в свое оправдание.

— А это не бомба, — продолжает охранник свои рассуждения. — Это просто Маша-растеряша. Вернее, забываша. Да?

Охранник смеется своему глупому каламбуру. Он, похоже, много раз репетировал у себя в фантазиях это выступление.

Вика смотрит на охранника.

— Что, девушка, оставили? Забыли? А потом переживали? — Он будто хочет произвести впечатление на ту молоденькую кассиршу. — Зря переживали. У меня ничего не пропадает. Все в целости и сохранности!

— Да. Спасибо. — Вика робко улыбается и пожимает плечами.

Вика достает желтый конверт и благодарит охранника за заботу.

Она хочет, чтобы мужчина, который, к слову, стоит гордый, кажется, даже в размерах увеличился, отошел от нее подальше. Супермен магазинный.

«Иди уже, — говорит Вика про себя и сохраняет натянутую улыбку. — Иди-иди. Отвернись от меня».

Сейчас он заметит, что ключ пристегнут к общему брелочку, и придется что-то сочинять, как так вышло.

— О. Да я смотрю, вы и ключ пристегнули?

Он все-таки заметил.

— Понимаете, я это чтобы... — начинает оправдываться Вика.

Но охранник перебивает ее:

— Чтобы не потерять.

Вика бегаёт глазами по сторонам и не знает, что ответить.

— Дайте угадаю! Вы уже в каждом магазине попробовали отпереть. — Он самодовольно хохочет. — Угадал?

Вика улыбается и кивает, мол, да, угадал. Мол, проницательный охранник видит ее насквозь.

— Я все знаю. — Он двигает указательным пальцем. — Все магазины проверили. Но это вы зря. Такие замки только у нас! Надежность, качество.

Вика кивает и продолжает улыбаться. На этот раз улыбка у девушки неподдельная.

Этот недоумок опять сам ее оправдал.

Девушка забирает конверт.

— Спасибо. — Она возвращает ключ и торопится к выходу.

— Заходите еще, будем рады. Мы ценим клиентов. Каждого клиента! — Он говорит и подмигивает, отчего его глупое лицо выглядит еще более противным.

Вика не отвечает.

Теперь она, естественно, зайдет. Больше ей ничего не мешает закупаться поблизости.

По пути домой она прокручивает в голове этот разговор и раз за разом продолжает удивляться глупости охранника.

Вика возвращается.

Дома все спокойно.

Шамп беззаботно лежит возле будки и посматривает на свою хозяйку, которая вернулась с полной сумкой ароматной выпечки и подозрительным желтым пакетом под мышкой.

— Держи.

Вика подбрасывает булочку.

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Пес подскакивает, ловит еду на лету и разжевывает сладкую сдобу, растряхивая слюни в разные стороны.

Вика проходит в свою комнату.

Оставляет сумку на полу и садится за стол.

Ее уже не заботит, что скоро вернется братик и лучше бы ей сейчас позаботиться об обеде. Если Димку сразу по приходе не усадить за стол, потом не дозовешься.

Плевать.

Сейчас Вика волнует лишь одно. Желтый конверт.

Ровно месяц ей понадобился, чтобы собраться с мыслями и решиться забрать жуткое послание из прошлого.

Девушка осторожно вынимает содержимое конверта.

«Вскрыть до наступления двадцатилетия адресата».

Запах старости, запах заброшенных библиотек, запах истории вырывается из пакета.

Странная надпись на обертке не дает ей покоя.

«Прости, сын».

Влад никогда не рассказывал о своих родителях. Вика пару раз пыталась его расспросить, но Влад уходил от разговора. Он, похоже, стеснялся своей семьи. Ему эта тема причиняла боль.

Девушка сомневается. Может, лучше выбросить? Сразу сжечь и забыть? Выбросить из головы. Влада все равно уже не вернуть.

В конце концов любопытство пересиливает страх и нерешительность. Вика раскладывает бумаги на столе и принимается за свое расследование.

Официальные листы со старыми гербовыми печатями, судя по всему, чьи-то заявления, объяснитель-

ные, свидетельства о смерти. Девушка отодвигает их в сторону.

Вика перебирает и сортирует документы так, чтобы ей после было удобно в них разбираться.

Читать все подряд, наверное, нет смысла.

Она ищет глазами знакомую фамилию или хотя бы фотографию, но пока безуспешно.

Инструкция КГБ СССР номер сто восемь от двадцать четвертого августа тысяча девятьсот пятьдесят пятого года «О порядке рассмотрения заявлений граждан с запросами о судьбе лиц, осужденных к ВМН».

На папке значится: «Совершенно секретно».

Она не знает, даже не догадывается, что такого секретного скрывается в папках и что означает загадочная аббревиатура ВМН.

А даже если бы и знала, Вику сейчас не заботит, кто кого и за что в те далекие годы приговаривал к высшей мере наказания, к расстрелу.

Ее не беспокоят чужие тайны, ее не интересуют сохранившиеся снимки каких-то незнакомых улыбающихся людей. Безразличны все эти засекреченные досье, докладные записки народному комиссару внутренних дел СССР и прочие артефакты прошлых лет.

Все внимание Вики приковывает к себе потерянная темно-синяя тетрадь. Среди официальных документов она явно лишняя.

Чей-то дневник.

Девушка раскрывает тетрадь и читает.

«Привет, сынок.

Я не знаю, как тебя сейчас зовут, поэтому буду обращаться к тебе «сын».

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Если тебе интересно, мы с матерью назвали тебя Михаилом, в честь твоего дедушки.

Думаю, если ты читаешь эти строки, меня уже нет в живых.

Я записываю всю историю, так как знаю, что, скорее всего, мы с тобой никогда не увидимся, и мне не удастся с тобой поговорить».

Сомнений нет, это послание от отца к Владу. Вика нашла то, что искала. В этой тетради, она уверена, она найдет все ответы.

Девушка принимается читать.

«Сейчас я сижу возле твоей кровати и наблюдаю, как ты двигаешь своими маленькими ножками, стараюсь стянуть с себя одеялко. Я пишу, слушаю твои мурлыканья и знаю, что это последний раз, когда я смотрю на тебя.

Знай, я сделал все, что мог. Но этого оказалось недостаточно.

То, как я собираюсь поступить с тобой, это вынужденная мера. Был бы другой выход, все было бы иначе. Но это «если бы». Вариантов у меня нет.

Еще знай: то, что случилось с твоей мамой...

Это случайность. Это несчастный случай, в котором я виноват. Если бы мог, я бы жизнь отдал, лишь бы предотвратить.

Прости.

Сейчас это уже не имеет никакого значения. Все, что я сейчас могу для тебя сделать, это уйти. Лучшее, что могу предпринять, это оставить своего любимого сына.

Попрошу добрых людей позаботиться о тебе.

Сынок, я должен рассказать.

Я обязан написать тебе все, что знаю сейчас и чего, к сожалению, не мог знать, когда твоя мама была еще жива».

Вика не замечает, как ее рука следом за первой достает из сумки вторую булочку.

— Похоже, это твой дедушка писал, — говорит Вика с набитым ртом, обращаясь к животу, и перелистывает страницу.

«Запомни, сын! Тебе нельзя злиться!

В тот день, когда тебе исполнится двадцать лет, а я надеюсь, это письмо тебе доставят вовремя, и ты прочтешь его до того, как будет уже слишком поздно... так вот, когда тебе исполнится двадцать, ни за что, ни по какому поводу не смей злиться.

Предупреждаю.

В то, что я тебе расскажу, трудно поверить. Но это чистая правда».

Вика усаживается поудобнее.

Похоже, чтение ей предстоит увлекательное. Она хочет как можно больше узнать о родственниках Влада. Она расскажет своему ребенку, кем были его бабушка и дедушка по папиной линии.

«Сын, я не мастер сочинять письма. И не знаю, как тут лучше начать.

Поэтому буду писать по порядку все, о чем мне известно, и что, как мне кажется, может оказаться тебе полезным.

История берет свое начало еще в те далекие годы, когда твой дедушка был молод.

Ты о нем наверняка ничего не знаешь.

Звали его Михаил Григорьевич.

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Человеком он был, прямо скажу, неоднозначным. Оценивать его поступки я не вправе.

Да это уже, наверное, и неважно.

Каким бы он ни был, в одном я уверен на сто процентов. За свою семью он отдал жизнь.

В те времена он служил в армии.

Быстрыми темпами продвигался по карьерной лестнице. Мечтал, как и многие тогда, о славной карьере военного.

Михаил Григорьевич цеплялся за любую возможность. И когда его отправили служить на Север, в глушь, в неизвестно какой исправительно-трудовой лагерь, твой дед лишь обрадовался.

Все, что написано ниже, это мои воспоминания рассказов отца, твоего деда Михаила Григорьевича, о событиях, что привели к таким жестоким последствиям. Либо описания ситуаций, которым я лично был свидетелем.

Объясню, что же на самом деле с тобой происходит и как с этим можно жить дальше.

В конверте ты найдешь папки с различными досье. Я постарался сохранить для тебя хотя бы часть документов. Собрал все, что только удалось.

Они понадобятся на случай, если ты сочтешь меня глупцом, обманщиком или сумасшедшим.

Документы помогут тебя убедить или переубедить. Данные ты всегда сможешь проверить.

Что ж.

Приступим».

— Вик, а что ты не пришла? — раздается звонкий голос брата.

Вика так увлеклась чтением, что совсем забыла о своем обещании отцу присмотреть за Димкой.

— Пришел уже?

Вика закрывает и прячет дневник.

— Ну что? Как в школе? Сколько двоек принес?

Димка смеется и мотает головой.

— Ладно. Тогда давай переодевайся, руки мой и марш за стол. Сейчас будем обедать.

Мальчик знает, что спорить с сестрой — гиблое дело.

Снимает рюкзак и с лицом, как будто его не есть, а работать на каторге заставляют, идет к себе в комнату.

Вика смотрит в сумку. Она съела почти все булочки. Суп не приготовила. Что ж, покормит брата макаронами с сыром. Папа вряд ли похвалит ее за такой обед, но Димка любит макароны, пусть лопают. Быстро и вкусно. И если не слишком привередничать, можно сказать, полезно.

— После еды сразу за уроки! — говорит Вика.

Она старается докричаться в соседнюю комнату.

— К возвращению папы чтоб всю домашку сделал. Слышишь? Я потом проверю.

Вика наспех убирает документы.

Прячет стопки под кровать.

Братик, скорее всего, заметил странные бумаги, но, если не акцентировать на них внимание, он может и не вспомнить.

— Вик, а что это там?

Мальчик стоит в дверях комнаты и показывает на завалившуюся под стол фотографию.

— Ничего. Пошли макароны с сыром есть?

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Димка при слове о его любимой еде хлопает в ладоши.

Главное, чтобы отцу не рассказал, чем его сестра кормила. К возвращению папы Вика успеет приготовить куриный суп.

— Руки вымыл?

— Вымыл-вымыл, — причмокивает и облизывается Димка.

— Папе скажем, что ели суп. Идет?

Димка на все согласен. Суп он терпеть не может. Братик пританцовывает и топает на кухню.

Вика поднимает с пола свалившийся со стола снимок, который заметил Димка, и, прежде чем успевает спрятать его к остальным бумагам, замечает, что на нем запечатлено.

Девушка от неожиданности выпускает фотографию из рук и еле сдерживается, чтобы не вскрикнуть.

На снимке чье-то расчлененное тело. Голова отделена от туловища и не мигая смотрит в объектив, прямо на Вику.

Девушка нервно запихивает фото в середину стопки, заталкивает следом под кровать полотенце, кофту, плюшевого медведя, все, до чего только может дотянуться рукой. Спускает покрывало с кровати до пола и на всякий случай вдобавок закрывает свою комнату на замок.

Она хочет поскорее забыть увиденное.

Хочет развидеть.

Вика торопится к брату.

Ей срочно, пока ее не стошнило, нужно на что-то переключиться. На что-нибудь приятное.

Она греет воду в кастрюле.

Димка беззаботно смотрит мультик. Дурацкая, надоедливая песенка играет на всю кухню.

«И Барсик прыгнул вниз, живет такой вот белый кот».

Вика забрасывает макароны в кипящую воду.

«И Барсик... Барсик прыгнул вниз, живет... живет такой вот белый... белый кот».

Что за бред показывают детям?

Вика подвигает брату еду, достает вилку, а из головы у нее никак не выходит снимок изувеченного мертвеца.

Димка выдавливая, обильно поливает кетчупом тарелку.

Томатный соус расплзается по макарончикам, словно кровь по снегу. Вика не может выбросить из головы то лицо с фотографии. Такие ужасы она раньше видела лишь в кино, где актеры, где грим. Но на том фото, Вика уверена, был реальный человек.

И он смотрел.

Прямо на нее.

Своим безжизненным мутным взглядом.

Настоящий мертвец.

— Вика!

Из тарелки на нее смотрит отрубленная окровавленная голова с немигающим взглядом.

— Вика! Скорее!

Девушка не может пошевелиться. Страх сковывает ее тело. Она стоит и не может вздохнуть.

— Ну Вик! Скорее!

— Что?

— Ты что, глухая, что ли? Я же говорю, выключи.

— Что?

— Рекламу отключи. Не видишь?

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Девушка наводит курсором на область «можно будет пропустить через пять секунд». С экрана очередной «успешный» бизнес-тренер энергично предлагает записаться к нему на курсы и стать миллиардером.

— А что у тебя с лицом? Белое какое-то, — говорит Димка и отправляет очередной сырный кусочек в рот.

«И Барсик... Барсик прыгнул вниз, живет... живет такой вот белый... белый кот».